

Шотландия, XVI век. На отдаленный остров прибывает загадочная женщина Нора с маленькой дочерью Мойрой. Никто не знает, кто они и откуда. Проходят годы, Мойра превращается в редкую красавицу. Местные жители называют ее фейри — фея. Однажды остров посещает вождь могущественного клана Маккензи. Он очарован фейри Мойрой и предлагает Норе... продать ему дочь. Он обещает, что та будет жить в роскоши и не познает нужды.

Для того чтобы поссорить два клана, английский граф Перси предлагает своему лазутчику Дэвиду помочь молодому вождю Манро и выкрасть у старого предводителя Маккензи его любовницу Мойру. Мойру считают ведьмой, но она так очаровала глав двух кланов, что из-за нее может вспыхнуть настоящая война. Англичанам же только этого и нужно. Особенно когда шотландский король собирает кланы для похода на Англию...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3870-1

9 786171 1238701

СИМОНА ВИЛАР

ФРЕЯ С ОСТРОВОВЪ

СИМОНА
ВИЛАР

ФРЕЯ С ОСТРОВОВЪ

МАЙСТРЕЙВ

СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

МАЙСТРЕЙВ

СИМОНА
ВИЛАР

ФРЕЯ С ОСТРОВОВЪ

РОМАН

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
2017 **СЕМЕЙНОГО**
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Иллюстрация на обложке *Романа Ногина*

ISBN 978-617-12-3870-1

- © Гавриленко Н. Г., 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Пролог
*Май 1506 года. Остров Хой*¹

Книга, рукописная, древняя, с пожелтевшими страницами и выцветшими миниатюрами, все равно была роскошью. Особенно на окраине христианского мира, какой считались затерянные в морях Оркнейские острова. Этим сокровищем владел приходской священник отец Годвин — у него было еще три книги, привезенные сюда, на далекий остров Хой, когда десять лет назад аббат Сент-Эндрюсского аббатства отправил Годвина на этот край света проповедовать Слово Божье. И добрый Годвин преуспел: живя в глухом мирке, где так сильны предрассудки и вера в колдовство, он все же расположил к себе местных жителей. Они приходили по звуку колокола в его часовню, где он совершал церковные таинства, венчал, крестил их детей, но главным своим достижением тем не менее считал то, что местные рыбаки стали позволять ему обучать грамоте своих детей. Правда, учеников у него было совсем немного. Но именно эта девочка — Мойра, дочь Норы Гордячки, — стала его лучшей ученицей.

---

¹ Остров Хой — один из островов Оркнейского архипелага. Оркнейские острова расположены в 16 километрах от северной оконечности Шотландии, на границе Северного моря и Атлантического океана. (Здесь и далее примеч. авт.)

Сейчас Мойра сидела за выступом маленькой часовни, подле священника, и на прекрасной латыни читала вслух притчи царя Соломона. Некогда пришедшая к отцу Годвину еще ребенком, она за годы обучения постигла все, что он мог предложить — латынь, арифметику, грамматику, — и ей все давалось легко. Отец Годвин старательно обучал Мойру, уповая, что однажды дочь Норы Гордячки сможет стать монахиней в обители Святого Магнуса на острове Мейнленд¹. Это был бы лучший удел для столь одаренной девочки из бедной семьи. Но оказалось, что теперь планы переменялись: Мойра выросла невероятно красивой, и месяц назад ее заметил прибывший на острова вождь клана горцев — воинственный Гектор Рой Маккензи.

По сути сегодняшняя встреча была их прощанием. Священник сожалел, что его ученица вступает не на заботливо уготованную им стезю благочестивой монахини, а станет блудницей, игрушкой возжелавшего ее шотландца. Годвин, будучи духовником девушки, неоднократно пытался отговорить свою любимицу от столь пагубного шага. Но с такой, как Мойра — своенравной, решительной, упорной, — это было непросто. И если она приняла решение...

Сейчас отцу Годвину на какой-то миг показалось, что у него еще есть шанс повлиять на ученицу. Он видел, как она запнулась и замолчала, прочитав в одной из притч: «*Dirige semitam pedibus tuis et omnes viae tuae stabiliuntur*»².

---

¹ Мейнленд — крупнейший из островов Оркнейского архипелага.

² Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды (*лат.*).

— Тебя смутила эта фраза, дитя мое? Не правда ли, тут есть над чем поразмыслить?

Священник смотрел на Мойру с мягкой улыбкой, но в глазах его была печаль.

— Бесспорно, все мы стремимся улучшить свою жизнь. Но не слишком ли высока плата за мирские радости, если при этом ты погубишь душу? Ты ведь так чиста и невинна. И ты совсем дитя...

Да, в его глазах Мойра еще дитя. Тот же, кто возжелал ее, видел в ней соблазнительную юную женщину, какой он страстно хотел обладать.

Еще год назад Мойра казалась таким худосочным жеребенком с длинными ногами, острыми коленками и вечно спутанной копной светлых пепельных волос. Но этой зимой она резко похорошела, стала женственной: ее фигура округлилась и приобрела плавные изгибы, гребень стал чаще касаться волос, и они серебрились, ниспадая пышными локонами до середины спины, а осанка... Мойра всегда имела горделивую статью, какую не согнула каждодневная работа, когда она трудилась по дому, копала торф, доила коз или помогала матери возиться с младшими детьми. Она всегда была прелестной и выделялась среди детей островитян. Немудрено, что неотесанные и грубоватые жители острова Хой считали ее подменышем — ребенком феи. Фейри, как они называли ее. Но эта фейри была практичной и хотела лучшей доли. Поэтому и уступила так быстро, когда родные согласились отдать ее этому старому, но очень важному и богатому человеку — Гектору Рою Маккензи.

Девушка повернулась к священнику. Они сидели под стеной часовни, укрывшись от дувшего с моря ветра,

и все же седые, коротко стриженные волосы отца Годвина растрепались, а солнечные лучи безжалостно высветили его испещренное морщинами лицо, распухшие от ревматизма суставы, заскорузлую грязь под ногтями, старую обтрепанную сутану.

— А вы довольны тем, как сложилась ваша жизнь, отче? — несколько резко спросила Мойра. — Вы умный, старательный и богобоязненный человек, а живете в бедности, не рассчитывая на лучшую долю.

— Я вверил себя Богу и не ропщу на судьбу, — кротко ответил священник. — Возможно, в молодости мне и мечталось о чем-то. Но главное, что я имею, вот здесь, — он приложил к груди ладонь и добавил: — Благодаря душевному покою я не испытываю терзаний. Жить со спокойной душой — это так много, дитя мое.

В широко распахнутых серо-голубых глазах Мойры читалось сомнение. Но сам взгляд был далеко не простодушным, скорее изучающим и оценивающим.

— Спокойная душа не накормит, когда нечего есть, и не согреет в холодную ночь. Я это знаю, поэтому вы не переубедите меня, отче. Да и моя матушка предупреждала, что вы снова попытаетесь отговорить меня от союза с вождем шотландцев. Она даже не хотела отпускать меня попрощаться с вами. И все же я пришла. Так что не стоит корячить меня в нашу последнюю встречу.

Отец Годвин промолчал. Отсюда, из-за каменной стены часовни, которая находилась за высоким холмом Уорд Хилл, не был виден океан, омывавший остров. Однако его дыхание ощущалось повсюду — влажное, чуть солоноватое, наполненное прохладой. Привычны были и всегда дующий ветер, и гомон чаек. От громады Уорд Хилла, возвышавшейся над ними, к дому Мойры вела

тропа, которая сегодня, в столь ясный день, была отчетливо видна. Глядя на тропу, отец Годвин подумал, что скоро девушка уйдет по ней, уйдет навсегда, а он не может найти слов, чтобы отговорить ее.

И все же он решился:

— Послушай, дитя, Нора, твоя мать, — странная женщина. Она однажды прибыла на Хой с маленькой дочерью на руках, осталась тут жить, став женой рыбака Эрика. Однако даже спустя столько лет в ней по-прежнему видят чужачку — надменную, необщительную, с презрением относящуюся к местным жителям. К тому же Нора позволила мне обучать тебя, считая, что монашеский удел будет лучшим для ее дочери. Но теперь... После того, как эта гордая женщина просто продала тебя шотландцу Маккензи, я не понимаю ее.

— Не понимаете, потому что ничего не знаете о ней! — неожиданно рассердилась Мойра.

Она резко встала. Личико такое юное... и такое волевое, решительное. При этом ангельски красивое — нежная кожа, сочные губы, точеный нос, выразительные, осененные темными ресницами глаза. Удивительно красивое личико фейри. Но фейри с соблазнительной гибкой фигуркой и высокой грудью. Неудивительно, что заезжий вождь клана Маккензи, увидев ее, совсем потерял голову и предложил за нее такую цену.

Годвин так и сказал девушке: они ее продали, как улов сельди в базарный день. Только гораздо дороже.

— Пусть это и так, — бурно дыша, ответила Мойра. — Однако матушка считает, что, отдав меня Маккензи, она избавит меня от участи повторить ее судьбу и познать те беды и лишения, какие выпали на ее долю. Нора говорит, что в обмен на свою молодость и красоту

я получу мирские блага и высокое положение в землях, где правит Гектор Рой. Он будет оберегать и защищать меня... Даже если я буду просто его шлюхой и наложницей.

— Но ты погубишь свою душу, живя во грехе! — не сдержался священник. — Церковь не приветствует такое сожительство. Ведь освященный перед алтарем брак — это законное установление, а также указанный Небом путь к продлению рода человеческого. В Священном Писании я не встречал ничего, что подтверждало бы превосходство сожительства в безбрачии. Но ты молчишь, дитя. В таком случае я осмелюсь напомнить, что ты только расцвела для плотских отношений, а твой избранник... Да ведь этот Гектор Рой Маккензи просто старик!

Годвин надеялся поколебать решимость девушки, но на ее губах неожиданно появилась странная циничная усмешка, на мгновение сделавшая Мойру удивительно похожей на ее мать Нору.

— Да, он старик. Однако участвовавший в сражениях, завоевавший славу и титул. К тому же Маккензи выглядит куда крепче вас, отец Годвин.

При этом она выразительно покосилась на скрученные ревматизмом руки священника.

Годвин невольно спрятал кисти в широкие рукава сунганы. Что он мог ответить? О, Гектор Рой и впрямь стал значительной фигурой в Шотландии! Вождь набирающего силу клана Маккензи прибыл на Оркнеи после своего пребывания при дворе Якова IV Стюарта, где получил баронский титул в благодарность за то, что вовремя встал на сторону короля, не поддержав других восставших против монарха вождей горных кланов. И вот, обла-

годетельствованный, он отправился в свои владения, однако не через земли преданных им вождей, а морем, минуя Оркнейские острова. Весна не самое подходящее время для мореплавания, и в проливе Пентленд-Ферт¹ корабль Маккензи попал в шторм, так что он был вынужден искать убежище на острове Мейнленд. Местный епископ так хорошо принял вождя, что тот с охотой оставался на Оркнеях почти месяц. И когда на мелководье у острова Хой прибило большого кита, Гектор Рой с удовольствием принял участие в гарпунной охоте на это чудовище. Довольный полученной забавой, он решил прогуляться по Хою и неожиданно повстречал Мойру, собиравшую на скалах яйца чаек. Этого оказалось достаточно, чтобы вождь Маккензи потерял голову. Он выяснил у местного епископа, кем является встреченная красавица, потом стал часто навещать ее семью и в итоге предложил ее родным значительную сумму, чтобы увезти девушку с собой.

Когда отец Годвин узнал, на что согласилась любимая ученица, он очень сокрушался. Даже ездил на соседний Мейнленд, чтобы переговорить с епископом и указать на преступность подобного поступка. Но кто стал бы слушать приходского священника, когда епископ во всем старался угодить могущественному вождю сильного шотландского клана! Оркнеи были диким, обособленным миром, где, несмотря на то что христианство давно пустило корни, бытовало немало старых языческих обычаев. И продажа женщин не считалась

---

¹ Пентленд-Ферт — пролив между островом Британия и Оркнейским архипелагом, соединяющий северную часть Северного моря с Атлантическим океаном. Славится сильными непредсказуемыми течениями.

здесь чем-то предосудительным, если сама женщина не проявляла непокорство и была не прочь принадлежать купившему ее человеку. А Мойра была не прочь.

— Мне будет очень не хватать тебя, малышка, — негромко произнес отец Годвин, понимая всю бесцельность своих увещеваний.

Мойра быстро заморгала и отвернулась. Она лишь изредка открыто проявляла свои чувства. В этом она была вся в свою мать Нору.

— Я тоже буду скучать по вас, отче, — произнесла она через миг срывающимся голосом. — Но если вы желаете мне добра... то поймете, что уехать с Гектором Роем на большую землю для меня благо. Моя мать говорит, что, когда женщина находится под защитой сильного и могущественного мужчины, она может чувствовать себя спокойной и счастливой, даже не испытывая к нему любви. Ведь любовь переменчива и обманчива. Вы венчали тут многих, но вряд ли можете сказать, что все, кто выбирал себе пару по зову сердца, счастливы. И если я останусь... Разве будет лучше, если меня завалит на верещатнике грубый юдаллер¹ Рольф или я стану женой самовлюбленного вертопраха Бранда и проживу с ним жизнь в такой же бедности, как и моя мать с рыбаком Эриком?

— Но ведь Нора ранее хотела, чтобы ты ушла в монастырь...

— А кем я буду в обители? Служанкой-послушницей? Сколько лет, учитывая мою бедность и низкое положение, мне предстоит мыть полы и выносить бадью с нечистотами за монахинями, прежде чем они удосу-

---

¹ Юдаллер — знать на островах.

жаться допустить меня к постригу? А вот Гектор Рой сразу богато одарил нас. Видели бы вы, какой невод он привез моему отчиму Эрику! Из настоящей веревки, а не тот, что был у нас из стеблей вереска и кусков выброшенных морем канатов. А подаренное им одеяло из крашеной шерсти! Настоящий алый цвет! В нашем скио¹ сразу будто стало светлее, когда его развернули. А какую пелерину из шкурок морских котиков преподнес мне Гектор Рой! Мягкую, пятнистую, с длинным ворсом. Вы ведь знаете, что такие шкурки простолюдинам не позволено иметь и их носят только юдаллеры или люди епископа. А теперь и я могу! И Нора уверяет, что Гектор Рой подарит мне еще немало таких, что у меня будут и прекрасные одеяния и даже украшения. О, я хочу поехать с ним! Хочу выбраться из нищеты и повидать большой мир!

Что мог на это ответить бедный священник с забытого острова? Только одно:

— Мойра, но ведь ты совсем не любишь этого толстого старого шотландца...

Девушка сердито топнула ногой.

— Что такое любить? Мать говорила, что любовь делает женщин глупыми и зависимыми. Они становятся бесправными рабынями тех, кого полюбили. Да она и сама...

Но тут девушка осеклась, словно испугалась сболтнуть лишнее.

Она бережно отложила большую книгу, которую читала, поднялась и, закинув руки за голову, сладко потянулась. Ее стан выгнулся, маленькие округлые груди

---

¹ Скио — рыбацья хижина на Оркнейских островах.

поднялись, широкие рукава дерюжного платья сползли, обнажая локотки. И столько потаенной чувственности было в этом движении, что отец Годвин смутился и отвел глаза. Пожалуй, он понимал вождя Маккензи, потерявшего голову от фейри острова Хой. Дай Бог, чтобы он и впрямь был добр и покладист с этой своейвольной девушкой.

Священник медленно поднялся и направился к входу в часовню.

— Отче Годвин! — окликнула его Мойра. — Разве вы не благословите меня напоследок?

Не поворачиваясь, он покачал головой.

— Нет. На подобное я не стану тебя благословлять.

Он скрылся за углом, и девушка осталась одна. На какой-то миг ей стало страшно. Она уезжает без напутствия человека, такого доброго и чистого, столько сделавшего для нее. Но потом Мойра решительно вздернула подбородок и выпрямилась. Ну и пусть!

Скоро отец Годвин ударит в колокол, призывая на службу своих прихожан. Если они придут. Ибо в такой ясный майский день мало кто думает о грехах. Хочется мечтать о будущем, строить планы или же, довольствуясь тем, что океан ныне тих и спокоен, уйти на промысел сельди. Отчим Мойры Эрик тоже ушел этим утром в море, и девушка гадала, удастся ли ей попрощаться с ним до того, как за ней приедет Гектор Рой. А священник... Что ж, она устроит свою жизнь и без его благословения!

Она развернулась и побежала по тропе домой. Ее ноги мелькали в прорехах обтрепанного подола, ветер играл длинными распущенными волосами. И она была фейри! Фейри этого острова, но и женщиной, согласив-

шейся отдать свою юность и красоту в обмен на достойные условия жизни. Она ни о чем не пожалеет!

Подбегая к своему жилищу, Мойра увидела одного из братьев, десятилетнего Магнуса. Мальчишка копал торф в болотистой низине за пустошью, а когда Мойра приблизилась, поглядел на нее отнюдь не приветливо:

— Эй, шлюха, скоро за тобой приедет твой голоногий горец. Иди подмойся.

Магнус злился, что теперь его заставляют выполнять работу, которой ранее занималась Мойра. Из-за этого он не смог уйти с отцом и старшими братьями в море. Да и здешние мальчишки постоянно твердили, что его сестра — блудница. Однако самой Мойре и дела не было до обид Магнуса. У нее редко ладились отношения с братьями.

Свою мать девушка увидела, когда подходила к скио — жалкому рыбацкому жилищу на склоне над морем. Скио было построено из плоских камней, которых так много на острове, но без единой деревянной подпоры — деревья здесь не росли. Щели в стенках замазывали илом, который то и дело вымывали дожди и бури, и их приходилось замазывать вновь, отчего жилище при приближении казалось коробом из грязи, покрытым сверху вязанками вереска, придавленными камнями. В скио не было окон, и дым выбивался наружу из-под заменявшей дверь тюленьей кожи, настолько задубевшей от соли и непогоды, что она стала твердой, как доска. Рядом с входом на веревках сушились выпотрошенная рыба и тушки бакланов, в загоне стояли две козы, а в стороне виднелись несколько чахлых кустов смородины. Семья по местным меркам считалась не самой бедной.

Когда Мойра приблизилась, полог отодвинулся и вышла ее мать, Нора. Это была высокая худая женщина, голова ее была повязана побуревшим от времени платком, а одеяние состояло из мешковины и овчинной безрукавки, которую она носила и зимой, и летом, — жители островов не любили сменять одежду, и вечно дующие с моря ветра позволяли им это. Но ни овчина, ни широкое бесформенное одеяние не скрывали того, что женщина на последнем месяце беременности. Двигалась она тяжело, а за ее подол цеплялся ребенок — маленькая девочка, почти лысая, со взглядом настолько бессмысленным, что не оставалось никаких сомнений насчет ее слабоумия.

Завидев Мойру, Нора только и сказала:

— Что, я оказалась права и этот святоша изводил тебя наставлениями?

Она мрачно смотрела на свою красавицу дочь из-под обтрепанного края платка. Глаза у нее были такие же серо-голубые, как и у Мойры, но сам облик женщины мало указывал на то, как хороша она была когда-то: запавшие щеки, хмурый взгляд, бескровные губы. Только в ее осанке еще чувствовалось некоторое величие, отчего местные жители прозвали ее Нора Гордячка.

Когда Мойра ответила, что отец Годвин даже не благословил ее, Нора лишь усмехнулась.

— Ну и глупец. Да и где ему понять, что для тебя лечь под этого борова Маккензи будет удачей. Однако ты никогда не должна забывать, какого ты рода. В тебе течет благородная кровь, так что держись с этим шотландцем соответственно.

Женщина направилась к печурке во дворе, при этом довольно грубо оттолкнув цеплявшегося за нее ребен-

ка. Мойра хотела было взять на руки младшую сестру, но мать воспротивилась:

— Не марайся об нее. Лучше иди вымойся и принарядись к приезду шотландца. Когда увидишь, что он тебе прислал, у тебя пропадут всякие сомнения.

— У меня и нет сомнений, матушка. Разве что... Отец Годвин сказал, что моя жизнь с Гектором Роем будет греховной. Он переживает за мою душу.

Уже склонившаяся было над печкой Нора тяжело выпрямилась и, упершись руками в ноющую поясницу, воскликнула:

— Лицемер! Не он ли поучает всех, что тот, кто согрешил, имеет возможность и покаяться. Хотя... Я вот прожила всю жизнь, так и не раскаявшись, что отрубила голову твоему отцу. Это даже придает мне силы. И когда Эрик бывает слишком надоедлив, я говорю ему, что мне уже ничего не страшно, и он отстает от меня. Если бы я так же повела себя с твоим отцом, вместо того чтобы млеть от одного его взгляда и позволять ему...

— Довольно, матушка! — протестуя, подняла руку Мойра.

Мойра не совсем понимала, что имеет в виду мать, говоря, что рыбак Эрик ей докучает. Обычно отчим был хоть и угрюм, но вполне покладист с Норой. Разве что покрывал ее всякую ночь, когда оставался дома, и она из года в год рожала ему детей. Нора уверяла, что вынуждена повиноваться. Когда она беглянкой прибыла на острова, то была тут никому не нужна и могла бы погибнуть, если бы рыбак Эрик не позвал ее с собой, обещая кров и поддержку. И она стала его женой из чувства благодарности. За тринадцать проведенных на острове лет Нора родила рыбаку около десяти детей,

из которых выжили лишь четверо. Трое сыновей, которых Нора родила в первые годы проживания на Хое, да эта полоумная малышка Улла. Но ее любимицей, безусловно, была Мойра. Именно ей, уже подростком, Нора поведала, что вынудило ее скрываться на островах. И повторяла свой рассказ настолько часто, что Мойре эта история порядком надоела и стала казаться чем-то обыденным.

Оставив мать возиться у печки, девушка вошла в свое убогое жилище с очагом посередине, в котором слабо тлел торф. Здесь было полутемно, все было пропитано запахом рыбы и бакланьего сала, которым заправляли лампу и от которого першило в горле. Но Мойра привыкла ко всему этому, а вот к чему она не привыкла, так это к такой роскоши, какую увидела перед собой. На каменной полке, где она обычно спала на мешке с сухим папоротником, сейчас лежали длинное, украшенное вышивкой платье и тонкая полотняная рубаша. Девушка с восторгом глядела на все это и даже не решалась дотронуться. Какое тонкое сукно! Какой сочный синий цвет! А ведь синяя крашенина такая дорогая! А как красиво расходятся складки там, где юбка пришита к лифу. Такой крой Мойра видела только у жен богатых юдаллеров, когда те посещали праздничную службу в соборе Святого Магнуса на острове Мейнленд. Но теперь у нее будет такое же платье! Да еще с красиво вышитой алыми нитями каймой по подолу. И как это все надеть? Как справиться с этой шнуровкой на спине? А на рукавах? Зачем вообще шнуровка на рукавах?

От вида платья привычная хижина вдруг показалась Мойре особенно убогой и закопченной. И она не посмела коснуться наряда, пока тщательно не вымылась на-

гретой на очаге водой, да и потом переминалась с ноги на ногу, пока наконец не решилась облачиться в полотняную рубаху. Даже обхватила себя за плечи, словно обнимая, — так приятна была мягкая ткань для привыкшего к грубой мешковине тела. Потом она выгнала из скио пару забредших сюда несущек, требовательно кудахтавших под ногами, вымела навоз и сор на земляном полу, чтобы не испачкать подол, и только после этого попробовала облачиться в дивное одеяние.

Тут в скио вошла Нора, неся маленькую Уллу на руках.

— Святые угодники! Давай я помогу тебе справиться со шнурками.

Она действовала с некоторой неловкостью, но было заметно, что Нора знает, как облачаться в подобные одежды. Из груди ее порой вырывались горькие вздохи. Когда же она наконец оглядела свою нарядную дочь, ее покрасневшие от долгой работы возле чадающего торфяного очага глаза расширились, а губы тронула легкая улыбка.

— О, Мойра моя, сейчас ты выглядишь как настоящая леди!

Когда мать и дочь общались наедине, они переходили на английский язык.

Мойра осмелилась спросить:

— Вы поведали, матушка, что происходите из знатного рода. Но вы никогда не говорили, что это за род. И лишь однажды назвали имя моего родителя — Уолтер.

— И этого хватит! — отрезала Нора. — Поверь, даже это имя может погубить и тебя, и меня, если ты обмолвишься о том, что я тебе рассказывала. Ибо сколько бы лет ни прошло с тех пор, как я отрубила голову Уолтеру, в тех местах, откуда я бежала, кровная месть

свята, как ничто другое. И она может настичь тебя, если станет известно, чье ты дитя.

В этот момент из-за полога показался Магнус, который даже открыл рот, глядя, как преобразилась сестра.

— А потрогать можно? — спросил он, протянув испачканные торфом руки к вышивке на подоле платья.

Но мать отвесила ему довольно сильную оплеуху.

— Убирайся вон! Иди собирать водоросли на побережье, а к Мойре не смей приближаться, если не хочешь, чтобы я лишила тебя вечерней похлебки. Скоро за Мойрой приедет шотландец, и надо, чтобы он просто обомлел от вида нашей фейри.

— Нашей продажной шлюхи, — ехидно бросил мальчишка, выбегая из скио.

— Не обращай на него внимания, — пожалала плечами Нора. — Что с него взять... рыбацкое отродье. Магнус попросту завидует тебе. Ну а теперь послушай...

Придерживая свой огромный живот, она села на каменную приступку. Снаружи доносилось хныканье ее маленькой дочери, однако Нора не обращала на него никакого внимания.

— Послушай, что я скажу, моя девочка. Скоро ты станешь леди... что бы там ни говорил этот глупый отец Годвин. Не важно, что ты будешь жить с Гектором Роем невенчанной, главное, чтобы ты смогла приручить его и заставить слушать тебя. Но Гектор стар, и однажды ты можешь обратить свой взгляд на кого-то другого. И тогда ты пропадешь! Ибо нет ничего ужаснее, чем полюбить и довериться кому-то. Некогда я совершила подобную глупость, и с тех пор моя жизнь превратилась в руины. Так что помни: заставь свое сердце заледенеть, живи разумно и уважай того, кто даст тебе защиту. И еще: чем

дольше ты сумеешь не забеременеть, тем дольше будешь оставаться привлекательной и желанной. Будь осторожной, ибо дети — это такое бремя!.. Они с молоком высасывают жизненные соки из матерей. Ты сама видишь, во что они меня превратили... — И Нора с отвращением посмотрела на свой выступающий живот.

Когда мать и дочь вышли из хижины, девушка вновь потянулась к сестре, однако Нора резко остановила ее. Мойра слишком нарядна, чтобы оставаться близ скио, где наверняка испачкает свое нарядное платье. И лучшее, что она может сделать, это сразу отправиться на берег, куда за ней приедет вождь Маккензи.

— Неужели мы вот так и простимся, матушка? — произнесла Мойра, и на глазах ее появились слезы.

В суровом лице Норы что-то дрогнуло. Но она быстро взяла себя в руки.

— Не люблю прощаний. А если мы тебе дороги, то прояви это. Пусть Гектор Рой улучшит нашу убогую жизнь своими благодеяниями. Маккензи ныне в почете и славе, богатства их растут, и этот горец вряд ли поскупится, если ты будешь угождать ему. Учти, мужчина, особенно такой, как твой вождь, и нужен женщине вроде тебя, чтобы брать от него все, что требуется. Как тебе самой, так и твоей родне. А теперь иди. Мне еще коз надо доить.

Но Мойра медлила. Почему-то даже радость от столь чудесной обновки уже не веселила ее.

— Может, я все-таки дождусь отчима с братьями?

— Зачем? Они отправились на хааф¹ и будут отсутствовать, пока держится погода.

---

¹ Хааф — так называли на северных островах промысел вдали от берега.

Мойре показалось, что мать специально подстроила так, чтобы отчима не было дома, когда за ней придет Гектор Рой, — рыбаку Эрику, в отличие от Норы, не очень нравилась вся эта история с продажей его падчерицы. И все же в море он ушел на новой лодке, с новым неводом, да и благодеяния, какие оказал им вождь Маккензи, были ему по душе.

Девушка отправилась к берегу. Она шла по склону, поросшему чахлой травой, которую местные козы объели до короткого дерна, но, как оказалось, даже по нему в платье со шлейфом передвигаться было неудобно — ранее девушка никогда не носила столь длинных одеяний.

У самой кромки воды она уселась на покрытую мхом каменную плиту, откуда открывался вид на залив между островами. Море накатывало на берег сливочной пеной, каменистый пляж внизу пестрел розовыми губчатыми водорослями, среди которых с гвалтом возились чайки. Со своего места Мойра видела выступавший в залив маленький остров Грэмсей, а далее виднелся Мейнленд с его деревушками и гаванями, в которых можно было рассмотреть множество лодок и судов. Мойра порой бывала там с семьей, когда ездила на ярмарку или церковные праздники, она вообще любила выходить в море. Когда отчим брал ее с собой порыбачить, для девочки это была не только добыча пропитания, но и возможность увидеть мир дальше своего острова. Она и раньше мечтала уехать... Теперь ее мечта сбудется.

Но Гектор Рой! Мойра старалась не думать, что он грузный и немолодой, что у него пахнет изо рта, и вообще не вспоминать его запах зверя. А вот улыбка у него

хорошая. По крайней мере, когда он улыбается ей. Что до его подчиненных, то они явно напрягаются, когда он смотрит на них своими блеклыми серыми глазами, суровыми и полными давящей силы. Даже епископ из Святого Магнуса держался с ним подобострастно, а местные юдаллеры просто заискивали. Да, с таким человеком она будет защищена от всего... кроме него самого. Мойра понимала, что отдаст шотландцу свое девичество и будет вынуждена принадлежать ему всякий раз, как только он пожелает. Когда она смущенно сказала об этом матери, та лишь отмахнулась: пожилой и покладистый мужчина не будет сильно утомлять ее, заверила Нора.

Мойра так глубоко задумалась, что не заметила, как солнце скрылось за пеленой тумана, соседние острова исчезли в серой дымке, а от воды потянуло свежестью — начинался прилив. Гектор Рой обещал, что придет за ней с вечерним приливом. Значит, скоро.

С туманом пришел и мелкий дождь, стал усиливаться ветер, надсадно ухал прибой — прилив был в верхней точке. Мойра стала зябнуть в своем нарядном платье из тонкого сукна. Она мелко дрожала, и, возможно, не только от сырости и холода. Мойра говорила себе, что она ко всему готова, что поступает правильно, но в глубине души была испуганной девочкой, которую страшило грядущее. А когда сквозь окутавшую ее дымку девушка расслышала скрип уключин и громкие голоса мужчин, разговаривавших на гэльском, у нее даже возникло паническое желание убежать и спрятаться.

Но это был лишь миг. Она поднялась и, стараясь привести в порядок растрепанные ветром волосы, стала ждать.

Гектор Рой, вождь Маккензи, показался первым в группе подходивших людей. Они все были тут чужаками, дикими... и величественными. Рослые, с длинными волосами и гордой осанкой, с рукоятями клейморов¹, выглядывавшими из-за плеча. Но вождя среди них сразу можно было выделить. Гектор Рой был крупным мужчиной, широкоплечим и мощным, с выступающим животом и надменно вскинутой головой. Плед в темно-малиновую клетку был обернут вокруг его мощного торса, образуя килт, а другой его конец, накинутый на широкую грудь, был застегнут фибулой с алым камнем. Плечи вождя покрывали меха, отчего он казался еще шире и в тумане выглядел таким огромным зверем. Это сходство с животным еще больше усиливалось от густой гривы падающих на плечи волос, которые имели бледно-рыжий цвет из-за пробивавшейся в них частой седины. Когда-то они, должно быть, были просто огненными, недаром же Гектор Маккензи носил прозвище Рой, что означало «рыжий».

Он подходил к застывшей девушке, и она видела его широкое лицо с перебитым носом, густую рыжую бороду и твердые, как зимний лед, глаза. Однако, встретившись с ней взглядом, Гектор Рой выдавил некое подобие улыбки. Вождь поднял руку, и следовавшие за ним клансмены отстали. Шотландец приближался медленно и немного вразвалку. Огромный, как кит. Мойра невольно сжалась.

«Помни, что он шотландский дикарь, а ты потомок благородного рода», — повторила она про себя слова матери. И хотя Мойра так и не узнала, какого она ро-

---

¹ Клеймор — длинный двуручный меч шотландских горцев.

ду-племени, это напоминание придало ей сил. Она встретила вождя Маккензи, надменно вскинув голову и глядя ему прямо в глаза.

— Ты уже ждешь меня, маленькая фэйри? — пророкотал Гектор Рой.

Он сказал это на гэльском языке горной Шотландии, и, хотя этот язык сильно отличался от диалекта местных жителей¹, Мойра его поняла.

— Я тут давно и замерзла, — произнесла она, капризно надув губы.

Но ей это только шло, и улыбка очарованного вождя стала еще шире.

— Итак, наша сделка состоялась и отныне ты моя?

Он не столько спрашивал, сколько утверждал. При этом шотландец поплевал на свою широкую ладонь и протянул ей руку.

— Ударим же по рукам, Мойра с острова Хой!

Она сделала то, о чем он просил, но, когда попыталась отдернуть руку, Гектор Рой не позволил ей этого сделать. Он громко захохотал и притянул девушку к себе. Миг — и она оказалась в его объятиях, он тискал ее, зарывался лицом в ее волосы, щупал бока и ягодицы. Помимо воли Мойра стала отбиваться. Но Гектор Рой не обращал внимания на ее сопротивление. А потом вдруг резко поднял ее и перекинул через плечо.

— Добыча! Отныне она моя добыча!

Его клансмены разразились хохотом и стали стучать оружием, выражая одобрение. Мойра билась, пытаясь

---

¹ Оркнейские острова долгое время находились под властью Норвегии, отчего местный язык, в котором сохранилось немало старонорвежских слов, отличался от языка шотландцев.

вырваться, лупила его кулачками по широкой спине, пока он нес ее к берегу. Там он поставил ее на ноги и, удерживая за плечи на расстоянии вытянутых рук, стал рассматривать.

— Ах вот ты какая, маленькая фейри! Ты боишься старого Маккензи и выпускаешь коготки? Но, клянусь спасением души, скоро ты будешь мурлыкать, как котенок, когда я научу тебя ласкам, которые так любят девушки в наших краях. А теперь идем.

Он увлек ее к сходням большого корабля, где уже слышался гвалт наблюдавших за ними матросов. Мойра никогда ранее не бывала на такой большой ладье, ей никогда прежде не доводилось быть окруженной вниманием такого множества незнакомых мужчин. И все они хохотали и шумели, разглядывая ее.

— А она действительно красавица, Гектор, — произнес кто-то. — Теперь понимаю, отчего мы так долго торчали тут, на самом краю света.

Еще кто-то сказал:

— Уверен ли ты, вождь, что она и впрямь не из маленького народца¹ и не околдовала тебя?

Гектор Рой запрокинул голову и громко расхохотался:

— О да! Видит бог, я околдован. Околдован настолько, что старая кровь звенит в моих жилах, как у юнца, а мой член так восстал, что поднимает спорран².

Новый взрыв смеха показался Мойре оглушающим. Она зло озиралась и уже готова была броситься назад по сходням, но Гектор Рой упредил ее порыв.

---

¹ Маленький народец — так в Шотландии называли духов, эльфов и фей, существ мифического мира.

² Спорран — сумка горцев; ее носили спереди у пояса.

— Не гневайся на них, фэйри с островов. Мои клансмены — шумные парни, но отныне они будут так же преданы тебе, как и мне. А сейчас успокойся. Ты в безопасности, и с тобой ничего дурного не случится.

Мойра видела, как сильные клансмены стали толкать корабль, а потом начали заскакивать на его борта. Они должны были уйти по высокой воде, поскольку им предстояло преодолеть коварные воды пролива Пентленд-Ферт, а затем вдоль побережья плыть дальше, на юг, в те далекие земли, где ей теперь предстоит жить.

Девушка оглянулась на смутно различимую в тумане громаду острова Хой, его склоны и скалистые берега. И вдруг наверху, на скалах, заметила силуэты островитян. Даже угадала в одном из них своего брата Магнуса. Противный мальчишка, однако сейчас у Мойры возникло желание помахать ему напоследок рукой. Но она этого не сделала. Она поняла, что ее братишка, который привел с собой ватагу парней и ребятишек, прибыл не попрощаться. В одном рослом островитянине Мойра узнала своего местного ухажера, задиристого Бранда. У него, как и у остальных, в руках были камни, и они стали швырять их в сторону отплывающего корабля. Расстояние было таково, что вряд ли они смогли бы нанести урон, но сами их действия были проявлением неприязни и презрения. Не к шотландцам, нет, а к ней, Мойре, которая предпочла им чужака.

Гектор Рой тоже заметил швыряющих камни парней с Хоя. Он что-то сказал своим клансменам, и один из них наложил стрелу на тетиву. Но Мойра схватила его за руки, посмотрела умоляюще и отрицательно помотала головой. Нет, не надо стрелять. Не надо причинять зло тем, кто не может навредить им. И не может навредить

ей. Ибо она уже не фейри с острова Хой. Отныне она с шотландцами Маккензи.

Гектор Рой отдал приказ своему человеку отложить лук. Мойра повернулась к вождю и послала ему лукавый взгляд из-под длинных ресниц. Несмотря на свою юность и кажущуюся невинность, она знала, как действует на мужчин такая уловка — они замирали, словно у них перехватывало дыхание. Замер и шотландец Маккензи. А девушка взяла его большую руку и поднесла к губам.

— Отныне я ваша, Гектор Рой. И вы не пожалеете, что наши судьбы пересеклись. Клянусь вам всеми духами этих мест!

Его серые ледяные глаза увлажнились от нахлынувших чувств. Он скинул с себя меховую накидку и укутал ею плечи своей фейри. Обнял ее властно и бережно. Они уплывали.

Глава 1

Почти брат

В первый день 1513 года от Рождества Христова все семейство графа Нортумберленда собралось на праздничный обед в великолепном замке Варкворт.

Как и полагается в рождественские дни, стены пиршественного зала были богато украшены гирляндами темного остролиста с ярко-алыми ягодами, под аркой входа висела традиционная омела, а по центру под сводом красовалась огромная золоченая звезда — она будет мерцать там всю неделю до Крещения. Чудесно! И сам новогодний воздух так дивно пахнет корицей и можжевельником и лишь слегка дымом от огня в каминах. А тяга в каминах зала Варкворт великолепная — ни следов копоти, ни дымных завитков над головами пирующих.

Сам граф Нортумберленд, Генри Эджернон Перси, восседал во главе высокого пиршественного стола и почти с удовольствием наблюдал, как целая вереница слуг в ливреях со знаками его дома вносит все новые и новые изысканные блюда, расставляя их перед гостями. Положенную круговую чашу уже выпили с пожеланиями всяческого добра друг другу в новом году, и теперь домочадцы и гости милорда Перси вкушали яства,

приготовленные поварами Варкворта. На длинных блюдах покоились украшенные перьями зажаренные фазаны, начиненные сладкими каштанами, ягненок под имбирным соусом, зарумяненные цыплята, нежная парная оленина в подливке — милорд Перси сам охотился на этого оленя в преддверии новогоднего пира. И никакой рыбы, слава тебе Господи! Рыба всем надоела еще в дни предрождественского поста, и из рыбных блюд на столах было только нежнейшее пюре из трески, какое так любит супруга графа, леди Кэтрин.

Граф глянул на сидевшую рядом супругу, урожденную леди Спенсер. Она всегда не прочь вкусно поесть, однако полнота ей идет. А еще леди Кэтрин слывет известной модницей. Правда, сейчас, глядя на огромный пунцово-алый берет, который водрузила на голову графиня, Генри Эджернон слегка насупился. Его супруга пытается ввести в обиход на Севере нидерландскую моду на ношение дамами берета — традиционного мужского головного убора. Но в этих патриархальных краях такое нововведение шокирует и вызывает недоумение. К тому же берет леди Перси просто не идет: будучи крупной дамой, в этом широком головном уборе со множеством завитых перьев она отчего-то напоминает флагманский корабль с раздутыми парусами. Ну, если бы паруса могли шить из такого огненно-алого бархата. Вон молодые племянники графа в дальнем конце стола даже довольно громко напевают: «Парус, парус!». А графиня даже не догадывается, что сорванцы посмеиваются над ней.

Граф бросил суровый взгляд на парней, но те только усмехнулись. А леди Кэтрин, ощутив на себе взгляд супруга, лукаво улыбнулась ему. Однако Генри Эджернон никак не отреагировал на это. Он вообще редко улыбался,

и его продолговатое породистое лицо даже на веселом пире оставалось лишенным какого бы то ни было выражения, словно свежепобеленная стена. Таким же застывшим оно осталось, когда мать графа, престарелая Мод Перси, недовольным тоном заявила, что ее сын поскупился, не велел зажарить для гостей крупного быка, как обычно поступали в семье Перси в прежние годы.

— Ваш батюшка, сын мой, всегда приказывал забивать в первый день нового года самого крупного быка в своих стадах, и все подходили и отрезали себе такую порцию, какую пожелают. А теперь скажут, что Перси пренебрег старыми добрыми обычаями. Или пожадничал, — язвительно добавила старая леди, недовольно поджимая губы.

Ну вот бы и оставалась графиня-мать в их старой резиденции Олнвике, где всегда следовали старым обычаям. Но нет, она пожелала приехать сюда, в более уютный и комфортабельный Варкворт, и теперь ворчит, что тут все не так, как надо.

Вообще граф любил матушку, на которую был так похож внешне — та же тонкая кость, удлиненное лицо, карие, глубоко посаженные глаза. Но сейчас он лишь с раздражением подумал о том, насколько старшие любят поучать, словно они одни хранят непреложную истину и отвечают за хороший тон. А ведь некогда и сама леди Мод вела себя так, что вызывала пересуды: рассказывали, будто в молодости графиня разъезжала по округе в платье с откровенным декольте и созывала так называемые «суды любви»¹, даря пылкий поцелуй

---

¹ «Суды любви» — собрание придворных во главе с «королевой любви», созывалось для разбора дел любовного свойства и проходило в праздничной и шутиливой атмосфере, но с соблюдением норм феодального права.

тому, кто на них особо отличился. И ее муж, отец Генри Элджернона, это терпел. Ибо любил и баловал супругу. Но после гибели мужа леди Мод словно подменили — она посуровела и вечно ворчала, ратуя за старину.

Перси вдруг поймал себя на мысли, что он по сути такой же ворчун, как и его матушка, — все критикует, всем недоволен. А вот его отец был шумным и веселым человеком, старого графа любили в округе, он был истинным королем Севера Англии. Ведь что значат для северян все эти новые короли Тюдоры? Они где-то на юге, за много миль отсюда. А здесь, в краю войн и набегов, холодных ветров и грубых нравов, всем заправляют и распоряжаются нортумберлендские Перси, и власть их на Севере бесспорна. Однако старый король Генрих Тюдор¹ все же смог подставить подножку своевольным Перси: он вынудил владыку Севера собирать новый, непосильный для населения налог, в результате чего вспыхнул бунт, во время которого отчаянный и шумный Генри Перси был просто растерзан толпой.

Самого Генри Элджернона тогда не было в Нортумберлендском графстве. Как и полагалось юному отпрыску дома Перси, он проходил обучение при королевском дворе Тюдоров. Ему было всего лишь тринадцать, когда доставили весть о гибели его родителя и Генри объявил, что отныне он граф Нортумберленд и смотритель англо-шотландской границы. Тринадцать лет — и такой груз! И все же он справлялся. Из года в год он увеличивал свои войска, щедро платил всем, кто вступал под его знамена. К тому же он научился находить компромиссы и договариваться с северными соседями — шотландцами.

---

¹ Речь идет о прежнем короле — Генрихе VII Тюдоре (1485—1509 гг.).

Перси сделал знак прислуживающему пауку, чтобы тот подлил вина. И чего это мальчишка спит с открытыми глазами, а не следит за нуждами повелителя? Ах, он засмотрелся, как сыновья графа, уже оставившие долгое застолье, затеяли возню с огромным мастифом у окна, дразнят собаку покрывалом, сорванным с приоконной скамьи.

— Миледи, — обратился граф к супруге, — угомоните ваших сыновей.

Но леди Кэтрин только с улыбкой смотрела на играющих мальчишек. Она никогда их не наказывала, понимая, что вскоре и девятилетнего Генри, и семилетнего Томаса отправят ко двору короля и там юных отпрысков Перси уже никто не будет баловать.

Перси заметил, что его старший сын Генри забрался на подоконник и наблюдает за чем-то во дворе. В зале играла музыка, слышались гул голосов, смех, и все же сквозь этот шум граф различил, как извне долетел тягучий звук рога. Один раз. Значит, прибыл кто-то из своих. Два или три сигнала обычно оповещали об опасности. На Севере даже во время Божьего перемирия рождественских празднеств набеги не диво. Особенно учитывая, что Варкворт не так уж далеко от шотландской границы. И, несмотря на все мирные соглашения с королем Яковом, ситуация ныне не такова, чтобы...

От мыслей графа отвлек звонкий голос сына Генри:

— Это Майсгрейв! Взгляните все сюда! Сэр Дэвид Майсгрейв вернулся!

Присутствующие в зале оживились. Кто-то тоже подошел к окну, другие встали из-за столов и поспешили к выходу. Рыцаря Дэвида Майсгрейва, крестника и воспитанника прежнего графа Нортумберленда, на Севере любили.

Граф остался сидеть на месте, только лицо его побледнело, а сам он словно ушел в себя. И так, Дэвид Майсгрейв, его посланник ко двору короля, уже вернулся. И вернулся слишком скоро — еще и месяца не миновало, как он отправил Майсгрейва с пышной свитой в Лондон. Перси поручил своему рыцарю важную дипломатическую миссию, рассчитывая, что Дэвид, умевший найти подход к такому тщеславному юноше, как их король Генрих VIII, сумеет объяснить тому, что происходит ныне в Шотландии. Справился ли он? Хотя чего гадать... Майсгрейв здесь, и вон уже он стоит, подбоченившись, под аркой входа в окружении домочадцев и слуг Перси. И даже, следуя традиции, поцеловал под омелой хорошенькую младшую сестру графа, резвушка Элизабет.

Поцелуй под омелой — старинный неписанный закон. Да и Элизабет вроде как не против оказалась в объятиях пригожего рыцаря, не спешит убирать руки с его плеч. Это вызвало всеобщий смех. И только граф продолжал методично поедать цыпленка, словно ничего не замечая. Но замечал все. И как улыбающийся Майсгрейв раскланивается с обступившими его дамами и вельможами северного двора, и как он скинул на руки лакеев свой подбитый мехами плащ, представ в прекрасном придворном костюме и позволив любоваться собой. Выглядел сэр Дэвид и впрямь великолепно, хотя, как на взгляд здешних северян, чересчур вызывающе. В этих краях никогда не носили облегающие одеяния со множеством блестящих шнуров, шевронов и вставок, да еще с таким количеством прорезей, сквозь которые было выпущено пышное нижнее белье, — изысканный придворный стиль в соответствии с веяниями нидерландской моды Габсбургов. Можно было бы и высмеять расфуфыренного

щеголя Майсгрейва, если бы это нелепое, по мнению Перси, одеяние так не шло Дэвиду: одежда в обтяжку словно бы подчеркивала его атлетическое сложение, стройные ноги, длинные узкие бедра, мощный торс и широкие плечи. Причем даже огромный нидерландский берет, надетый с небрежной грацией слегка набекрень, смотрелся на нем весьма элегантно.

Дэвид все же прорвался сквозь спешивших позвать ему руку придворных Нортумберленда и щебетавших вокруг дам и поспешил к своему сеньору Генри Перси.

— Милорд! — Он обнажил голову и склонился, помахав беретом перед собой. — Слава Иисусу Христу, господин мой. И да будет Он милостив к вам и вашим родным и в этот день нового года, и во все последующие времена.

Затем он галантно склонился перед графиней-матерью:

— Госпожа, с веселым Рождеством вас и наступлением Нового года!

Он учтиво поцеловал протянутую ему через столешницу руку старой дамы. Но при этом лукаво взглянул на нее из-под темных бровей своими зелеными кошачьими глазами, и она невольно просияла нежной улыбкой. Этот рыцарь так умел смотреть на дам, что они не могли оставаться равнодушными к его обаянию, будь то леди в возрасте или юная скромница. Леди Мод даже ласково потрепала рыцаря по волосам.

— Они все больше начинают виться, — заметила она. — О Дэвид, мальчик мой, с возрастом ты все больше становишься похож на своего отца, упокой Господи его душу.

Почему-то это упоминание об отце Дэвида заставило графа вспомнить старые слухи, что якобы леди Мод

Перси некогда была не на шутку увлечена рыцарем Филиппом Майсгрейвом. Но это всего лишь слухи, а вот то, что его матушка всегда была расположена к самому Дэвиду, Генри Элджернон знал наверняка.

А Дэвид уже отвесил поклон графине Кэтрин, при этом поспешив сообщить местной моднице, что привез для нее и других дам семейства Перси несколько образцов новомодного головного убора под названием «гейбл», представлявшего собой этакий пятиугольный чепец, какой ввела в моду королева Катерина. Вот только распакуют прибывшие сундуки, вот только поднимут в замок многочисленные подарки...

Сообщение о подарках вызвало оживление в зале. А графиня Кэтрин любезно осведомилась у Майсгрейва:

— Друг мой, удалось ли вам побывать у вашей очаровательной сестрицы?

Все знали, что сестра Дэвида Майсгрейва заключила на редкость выгодный брак, став супругой графа Герберта, и проживала с семьей в далеком Уэльсе. Дэвид порой навещал ее, но это происходило крайне редко.

Вот и сейчас он ответил со вздохом:

— Увы, миледи, я так спешил на Север, дабы доложить вашему супругу о результатах моей поездки, что не стал делать крюк в сторону Уэльса.

При этом он опять поглядел на графа. И тот заметил в зеленых глазах посланца печаль и сожаление.

Генри Перси подавил вздох. Итак, его надеждам повлиять на молодого короля Генриха VIII не суждено сбыться. Но все ли сделал Майсгрейв как должно? Был ли он убедителен и красноречив? Крест честной, да и удалось ли ему вообще добиться встречи с его величеством?

И все же граф чтит обычаи северного гостеприимства, поэтому, отложив на время доклад, велел оказать честь и предоставить место Дэвиду Майсгрейву.

Прибывшего усадили за одним из боковых столов, стали расспрашивать о новостях с Юга и прежде всего о самом монархе. Ранее преданные прежней династии Йорков, жители Севера еще не так давно с некоторым недоверием относились к Тюдорам. Однако время шло, все смирились, что за Генрихом VII Тюдором на престол взошел его сын Генрих VIII, красивый молодой король, полный амбиций. И теперь нортумберлендцы желали услышать, каков двор молодого короля, как он правит, строит флот, устраивает турниры, а главное, что слышно о предстоящей войне с Францией.

— Уже точно известно, что молодой Хэл¹ нападет на французов в этом году? — спрашивали у посланца.

Он отвечал утвердительно. Да, его величество только и говорит, что о предстоящем походе. Женатый на испанской принцессе Катерине Арагонской, он вместе с ее родственниками вступил в так называемую Священную лигу — папский альянс против Франции — и намерен вскоре отправиться с войсками на континент, где в союзе с Габсбургами будет воевать против Людовика XII Валуа.

Это сообщение вызвало у собравшихся восторг. Стали вспоминать, что некогда Англия почти завоевала Францию, ей подчинялись обширные французские земли, и англичане — даже столь далекие от европейской политики северяне Нортумберленда — считали, что было бы неплохо вновь пощипать французского

---

¹ Хэл — уменьшительное от имени Генрих.

петуха, а уклоняться от подобной миссии — позор и трусость.

Но тут неожиданно подала голос графиня-мать:

— Хорошо же Генриху строить завоевательные планы. Ему от старого прижимистого отца досталась полная казна и умирная страна, и он не понимает, как легко можно лишиться и того и другого. Но мы, живущие на Севере, ведаем, что такое война, не понаслышке. Это разорение, убийства и сиротство. В итоге — нищета. Нет, вижу, что мудрые советники молодого Генриха не слишком умны, если не в силах повлиять на него.

Граф с уважением посмотрел на мать: хоть одна разумная мысль среди всеобщего безотчетного ликования. Но, с другой стороны, не стоило старой графине столь дерзко высказываться: такие речи ныне равносильны измене. Особенно в доме Перси. Тюдоры не доверяют старой знати, хотя и вынуждены с ними считаться. Впрочем, если Генрих не прислушался к донесению, которое отвез ко двору Майсгрейв, то не больно-то и считаются.

Но вскоре леди Мод присоединилась к остальным дамам, которые куда больше были заинтересованы вестями о личной жизни монарха. Дамы расспрашивали о молодом короле, любопытствуя, так ли он красив, как и прежде, когда они ездили к нему на коронацию, — высокий, златовласый, статный. В этом он весь в свою матушку Элизабет Йоркскую, а точнее, в своего деда Эдуарда IV, уверяли они. А как его королева Катерина? Два года назад она родила Генриху сына, его так и называли — «новогодний принц», и вся страна ликовала. Однако ребенок прожил всего пятьдесят дней и умер, к вящей печали родителей. С тех пор у ее величества случилось несколько выкидышей, и теперь подданных инте-

ресовало, нет ли вестей о том, что Катерина Арагонская снова в положении. Увы, развел руками Майсгрейв, ничто пока не говорит об этом. Что ж, прискорбно. Особенно учитывая, что у шотландской королевской четы есть наследник, здоровый, крепкий ребенок, а вот Тюдоры пока не могут этим похвалиться. Зато, продолжал Дэвид, двор будоражат слухи о любовной интрижке короля с сестрой герцога Бэкингема, леди Анной Стаффорд, женой графа Гастингса. Говорят, сия леди была более чем благосклонна к молодому красивому монарху, об этом пошли слухи, и вмешался сам герцог Бэкингем, заявивший Генриху, что женщины из рода Стаффордов не игрушки для Тюдоров. Между герцогом и Генрихом Тюдором произошла ссора, королевскую любовницу сослали в монастырь для покаяния, а Бэкингем надолго был лишен милости его величества.

Граф, глядя на окруженного дамами Майсгрейва, решил, что с него хватит этих придворных сплетен, и, незаметно встав из-за стола, вышел. Уже у дверей Генри Эджернон оглянулся. Он видел, как его младшая сестра Элизабет, почти повиснув на руке Майсгрейва, говорила:

— Сэр Дэвид, вы будете танцевать со мной сегодня?

Ну что же, женщины всегда млели от Дэвида. Подумать только, Майсгрейву через пару лет с небольшим исполнится сорок, но для собравшихся он словно все тот же привлекательный юноша, всегда слывшийся любимчиком северного двора. Но Дэвид и выглядит очень недурно для своего возраста, и красота, какой он славился в молодости, все еще при нем: взор светел, кровь играет, движения легки и грациозны. И эти кошачьи зеленые глаза, чуть раскосые и словно немного оттянутые к вискам. В сочетании с пышными темно-каштановыми

волосами, в которых нет и малейшего намека на седину, эти светлые, как виноградины, глаза кажутся особенно яркими. Хорошо! О самом Генри Эджерноне такое уже никто не скажет. Будучи почти на год младше Дэвида, он выглядит старше своего возраста — уже и сутулиться начал, и волосы редеют, да и проклятая подагра донимает. Что ж, кому что воздал Всевышний. По сути, своей живостью и привлекательностью Майсгрейв мог бы даже раздражать графа, если бы тот не испытывал к нему глубокую, родившуюся еще в их детстве привязанность. Ведь Дэвид Майсгрейв был ему почти как брат...

Генри Эджернон любил свой замок Варкворт. По его повелению в толстых стенах Варкворта прорубили высокие окна, и весь прошлый год тут трудилась целая бригада голландских стекольщиков, вставляя в частые оконные переплеты дорогие прозрачные стекла. От этого даже в старых переходах замка стало светлее и не так дуло, как в те времена, когда их просто прикрывали деревянными ставнями.

Но особенно роскошно граф велел обустроить один из внутренних покоев, где был его личный кабинет. И сейчас, устроившись в обитом бархатом кресле у камина, Генри Эджернон с удовольствием оглядывал панели полированного дерева на стенах, над которыми висели яркие гобелены с вышитыми охотничьими сценами. В большом камине с вытяжкой горел жаркий огонь — дымоход недавно починили, и тяга была отличная, а от горящих поленьев сладко пахло сосновым лапником. Полы выложили голландской изразцовой плиткой, само же кресло милорда стояло на расстеленной светлой шкуре северного волка. Роскошно. Но сейчас, наслаж-

даясь своим уютом и покоем, Генри Эджернон вспомнил, что некогда именно здесь располагалась детская. Тогда вдоль стен стояли ряды кроватей, где почивали сыновья прежнего графа Нортумберленда, а с ними эту комнату делили и отпрыски отданных Перси в обучение детей северных вельмож. Тесновато было, мальчишки порой устраивали потасовки, и среди них одним из заводил всегда был Дэвид Майсгрейв, крестник отца Генри Эджернона.

Граф вспомнил, как к ним впервые привели этого паренька. Дэвид тогда осиротел, жил у приемной матери где-то в Йоркшире, так как замок Майсгрейвов Нейуорт пострадал во время набега шотландцев. Но старый Перси решил проявить в судьбе крестника участие и привез его сюда, в Варкворт.

— Генри, — обратился вельможный граф к своему десятилетнему сыну, — познакомься, это юный Майсгрейв. Он мой крестник, а тебе почти брат. Будь с ним великодушен.

Дэвид тогда был темноволосым замкнутым подростком, дичившимся остальных отпрысков Перси. А они поначалу сильно донимали новичка, хотя он старался дать отпор и никогда не смирялся. Но именно это его умение постоять за себя постепенно расположило к нему Генри Эджернона.

Юный Майсгрейв всегда оказывался среди лучших в обучении. Впору было позавидовать, особенно Эджернону, не отличавшемуся ни сноровкой на плацу, ни успехами в учебе. И все же они крепко сдружились. Кот — так прозвал зеленоглазого Дэвида Генри Эджернон, Львенок — дал ему в ответ прозвище крестник графа, исходя из того, что на гербе дома Перси был

изображен лев. И при этом Дэвид уверял, что однажды его приятель станет настоящим львом Севера.

Но теперь, вспоминая все это, Генри Элджернон подумал, что чувствовал себя несколько ущемленным возле такого способного подростка. Замечал он и то, как отец следит за успехами своего крестника. Старый граф никогда не пропускал занятий Дэвида на плацу или в оружейном зале и улыбался, когда тот делал особенно удачный выпад либо ловко уходил из-под удара.

— Мальчик мой, — обнимая Дэвида за плечи, говорил граф, — я уже понял, что однажды из тебя получится такой же великолепный воин, каким был твой отец. А он был лучшим во всем Мидл-Марчез¹, если не во всем Пограничном крае!

Своему сыну он обычно ничего подобного не говорил, и Генри втайне злился. И, пожалуй, он даже возликовал в душе, когда узнал, каковы планы родителя относительно юного Майсгрейва.

Перси были не только негласными правителями Севера Англии, но и стражами против набегов шотландцев. И, чтобы знать все, что происходит у северных соседей, исстари использовалась сеть лазутчиков и шпионов в разных областях Шотландского королевства. Имелись у них таковые и среди шотландских горных кланов. И вот однажды граф Перси сообщил Дэвиду, что отправляет его жить и обучаться в шотландском клане Маклейнов, воины которых считались лучшими бойцами на мечах. Но для Дэвида это означало не только обучение — Перси готовил его стать одним из своих шпионов. Отныне Дэвид будет жить среди горцев, пока не достигнет совер-

---

¹ Мидл-Марчез — срединные земли на границе Англии и Шотландии.

шеннолетия, чтобы вступить во владение своими землями, каковыми пока распорядился его опекун — граф Перси. За это время он должен выучить обычаи шотландских горцев, их язык, войти к ним в доверие. А там... Там он сам выберет — оставаться лазутчиком своего крестного или же вернуться и нести службу на границе.

Племя Маклейнов было давним союзником Перси. Впрочем, слово «союзник» тут не совсем уместно: Маклейны служили тому, кто им больше заплатит. Они были известны на всю Шотландию благодаря своим умелым наемникам. Их нанимали даже англичане, ценившие отвагу и мастерство. Маклейнам принадлежали несколько владений на Внутренних Гебридах¹, они никогда особо не занимались ни хозяйством, ни торговлей, зато их мечи славились повсюду. Как и их умение договариваться с тем, с кем было для них выгодно, кто больше платил. А Перси никогда не скупился. Поэтому Маклейны согласились принять в свой клан некоего подростка Дэвида. Их даже не интересовало, откуда он, если за его обучение так щедро заплатили.

У Генри Эджернона отлегло от сердца, и он уже не опасался, что любимчик отца потеснит его в глазах родителя. Своего же сына и наследника граф отправил на обучение к королевскому двору. Какая огромная разница с положением Дэвида!

И все же, когда они, два подростка, прощались, оба не смогли сдержать слез. Они были еще детьми — Генри Эджернону одиннадцать, Дэвиду двенадцать. А через пару лет они вновь встретились в Йорке по печальному

---

¹ Гебриды, или Гебридские острова — островной архипелаг на западе от Шотландии.

поводу: во время мятежа там был растерзан восставшими старый граф.

Юный Эджернон был подавлен и напуган. Дэвид же выглядел заметно повзрослевшим, в отличие от худенького болезненного Генри, которого он утешал. И именно Майсгрейв был среди тех, кто нес на плече гроб в собор, где надлежало упокоиться защитнику северной границы.

— Ты вернешься к Маклейнам или останешься при моем дворе? — спросил его Генри после похорон. — Я хотел бы, чтобы ты остался. Но если долг тебе приказывает... Отец ведь не зря готовил тебя для подобного служения нам.

Тогда Дэвид решил вернуться на остров Малл, к Маклейнам. Он много рассказывал о них, об их странных обычаях и вождях, даже сыграл для Перси на волынке. И у Генри сложилось впечатление, что Дэвиду понравилось жить среди горцев.

А со временем стало известно, что у Майсгрейва в клане Маклейнов есть жена. Он сообщил об этом во время одного из своих редких приездов. Генри Эджернону это не понравилось. Его вассал не имел права заключать брак, не поставив своего сеньора в известность.

— Ну ты и выдумал, Львенок, — расхохотался Дэвид. — Ты хочешь, чтобы я оставался своим среди клана, но не породнился с ними? Твой отец меня бы понял. Надеюсь, что и ты сообразишь, что иначе я поступить не мог.

— Но, связав себя браком, ты можешь открыться своей жене, кто ты и откуда! К тому же настало время выбирать, где ты будешь нести службу нашему дому. По-прежнему среди твоих дикарей или же вернешься в свой Нейуорт.

Содержание

Пролог. Май 1506 года. Остров Хой.....	5
Глава 1. Почти брат	29
Глава 2. Дом	73
Глава 3. Манро и Маккензи	120
Глава 4. Охота на белую лань	160
Глава 5. Стихия	194
Глава 6. Чужак	228
Глава 7. Вслед за ветром	268
Глава 8. Тени на острове	300

Літературно-художнє видання

ВІЛАР Симона

Фея з островів

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*

Редактор *С. М. Губська*

Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 11.08.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 17,64. Наклад 28000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»

Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а

E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

61012, м. Харків, вул. Різдва, 11.

Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.

www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ВИЛАР Симона

Фея с островов

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*

Редактор *С. М. Губская*

Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 11.08.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 17,64. Тираж 28000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Св. № ДК65 от 26.05.2000

61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а

E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

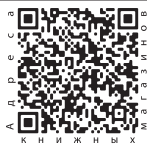
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.

Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.

www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Шотландія, XVI століття. Бажаючи посварити два сусідніх клани — Маккензі й Манро, — граф Персі запропонував своєму повіреному Девіду Майсгрейву викрасти Мойру — фаворитку вождя Гектора Роя. Це має викликати сутички між кланами. План спрацює. Попереду — втеча й довгий шлях, сповнений небезпек. Мойра хотіла б повернутися до Роя, однак поки що змушена поневіритися невідомими землями разом із Майсгрейвом. Це назавжди змінить життя дівчини.

Вилар Симона

В44 Фея с островов / Симона Вилар. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 336 с.

ISBN 978-617-12-3870-1

Шотландия, XVI век. Желая поссорить два соседних клана — Маккензи и Манро, — граф Перси предложил своему поверенному Дэвиду Майсгрейву похитить Мойру — фаворитку вождя Гектора Роя. Это должно вызвать столкновения между кланами. План срывается. Впереди — побег и долгий путь, полный опасностей. Мойра хотела бы вернуться к Рою, но пока вынуждена скитаться по неизведанным краям вместе с Майсгрейвом. Это навсегда изменит жизнь девушки.

**УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)**

Недавний полновластный владыка Англии граф Уорвик — великий Коронатор — покинул родину, чтобы возвести на трон злейшего врага Йорков — принца Уэльского. И сам вложил в руки врагов оружие против себя — оставил в тихом монастыре свою любимицу, младшую дочь Анну... Но ослепленный страстью Ричард Глостер, брат венценосного Эдуарда, неосторожно открыл ей планы короля-шантажиста. И необузданная девица бежит из монастыря, обманув соглядатаев. Она присоединяется к отряду королевского гонца Филипа Майсгрейва под видом юноши-пажа... Но что ждет в конце опасного путешествия Филипа, если он доставит грозному Уорвику вместе с письмом его дочь-беглянку? И сможет ли Анна, невеста принца Уэльского, выбросить из сердца своего отважного попутчика?..

Англия, XV век. Война Алой и Белой Розы близится к концу, а судьба вновь и вновь сводит двух незаурядных людей — циничного и расчетливого герцога Ричарда Глостера и пылкую и решительную Анну Невиль. Слишком многое разделяет их, однако корысть и выгода уже сыграли свою роль. Узел затягивается все туже: любовь к наемному убийце, борьба за трон, кровавые сражения и альковные тайны власть имущих, казни и торжества. Узнает ли Анна, какую роль сыграл могущественный Глостер в крушении ее надежд? На что способна женщина, решившая отомстить? На что способен политик, поставивший на карту все?

Выдав любимую дочь Анну Невиль за Эдуарда Уэльского, могущественный Уорвик намертво приковал себя к Ланкастерам. А они готовы отстаивать право на трон не силой, но хитростью. И великий Коронатор стал в этой игре разменной монетой... Теперь только рождение наследника может гарантировать безопасность его Анне. Ослушавшись отца, та примчалась в Лондон, чтобы еще хоть раз оказаться в объятиях Филипа Майсгрейва... А оказалась среди обмана и предательства, совсем одна, ведь ее рыцарь далеко, вместе с Йорками. Но однажды Анна вновь увидит знакомую фигуру в темном плаще, узнает о страшном предательстве — и теперь ее судьба, жизнь отца и победа в Войне Роз окажутся в руках врага, в руках ее любимого Филипа...

XV век. Суровое Пограничье между Англией и Шотландией, край, где идет нескончаемая война. Набеги, схватки, похищения и... сильные страсти. За право обладать обворожительной Анной Невиль соперничают безоглядно смелый разбойник-барон, утонченный красавец герцог и всемогущий брат короля Ричард Глостер. Кем-то из них движет обжигающая страсть, кем-то — холодный расчет, где ставка — трон, и только одним — настоящая любовь...

